

В. С. Чураков

Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения Российской академии наук
ул. Ломоносова 4, 426004 Ижевск, Россия
email: vermis2@nm.ru

РАССЕЛЕНИЕ УДМУРТОВ В ВЯТСКО-КАМСКОМ РЕГИОНЕ В X–XVI ВВ.

Обращаясь к изучению проблемы расселения удмуртов в Вятско-Камском крае в указанный в названии статьи период, автор этих строк, безусловно, должен прежде всего пояснить читателю избранные им хронологические рамки своего исследования. Начнем с рассмотрения верхней даты. XVI век, в особенности его вторая половина, является этапным периодом в истории удмуртского народа: окончательное присоединение к Москве Вятской земли, случившееся, по-видимому, лишь в 40-х гг. XVI в. [1], падение Казанского ханства в 1552 г. и подавление ряда последовавших за этим восстаний его бывших подданных привели к вхождению удмуртов в числе прочих народов Среднего Поволжья и Приуралья в состав Русского государства. При этом материалы наиболее ранних из сохранившихся переписей удмуртского населения Вятской земли, относящихся к XVII в. [2], а также данные Ландратской переписи по пяти удмуртским долям Каринского стана (1717 г.) [3] и по территории шести удмуртских сотен Арской дороги Казанского уезда (1716 г.) [4], дают основание полагать, что картина основного расселения удмуртов на рубеже XVI–XVII вв. практически не отличалась от современной. Это позволяет нам, не углубляясь в более детальное исследование последующих миграций населения на указанной территории, сосредоточить свое внимание на изучении процесса расселения удмуртов в более раннее, практически не освещенное на страницах письменных источников, время, в целях выявления основных факторов, способствовавших сложению современной этнической территории удмуртов.

Необходимость обоснования нижней хронологической границы настоящей работы налагает на нас использование в названии статьи этнонима *удмурт*, означающее, что объектом исследования выступает уже сформировавшийся этнос. Автору этих строк близки взгляды на сущность этноса, отстаиваемые отечественным исследователем Юрием Ивановичем Семёновым. Уважаемый учёный, считая, что этносы являются исторически обусловленными группировками населения внутри общества, переступившего порог первобытности и цивилизации, со всей определенностью пишет: «Этносы в точном смысле этого слова существуют только в классовом или цивилизованном обществе. В обществе первобытном их нет» [5]. Мы также разделяем мнение тех исследователей, которые рассматривают этногенез не как перманентное явление, но как исторически обусловленный процесс формирования конкретного этноса, находящийся за пределами собственно этнической истории последнего. Исходя из вышеизложенного, мы полагаем, что процесс становления удмуртского народа (более детально об этом пойдет речь ниже) завершается к рубежу I–II тысячелетий н. э.: именно к этому времени различные общества Прикамья переступили порог варварства и цивилизации, окончательно утвердившейся в регионе с образованием в X в. полиэтничного Булгарского государства.

Таким образом, наше внимание будет сосредоточено на исследовании изменений в расселении удмуртов в пределах X–XVI вв., т. е. от периода, когда, на наш взгляд, появились уже все основания говорить об удмуртском этносе как исторической реальности, до момента формирования современной картины основного расселения его представителей, которая, как отмечалось выше, в целом уже сложилась к началу XVII в.

Нельзя сказать, что тема, затронутая нами, не была в сфере внимания исследователей, поэтому нам представляется необходимым хотя бы кратко коснуться историографии вопроса. Собственно исследователей, стоявших у истоков научного изучения прошлого удмуртов, вопрос формирования картины их расселения занимал лишь в плоскости выявления «древней» территории, которую покинуло «вятское племя» прежде чем очутилось в междуречье Вятки и Камы. Так, Ф.-И. Страленберг видел в удмуртах потомков античных аримфеев [6], Г. Ф. Миллер выводил их с берегов Енисея [7], по мнению же В. Н. Татищева, удмурты попали на берега Вятки в начале II тысячелетия н. э. из пределов Вотской пятины Великого Новгорода и уже здесь попали под власть болгар, а затем татар [8]. Первый историограф Вятки А. И. Вештомов, смешивая удмуртов-вотяков с вятичами русских летописей, полагал, что на Вятку они переселились с берегов Оки, откуда в свою очередь были отеснены русскими поселенцам «так, что селений их по Вятке по нынешнее время почти не осталось» [9]. Наконец, в статье Н. И. Второва утверждалось, что удмурты или, как он их называет вслед за Г. Ф. Миллером, арины, кочевавшие по берегам Енисея, были заброшены на берега Камы «порывом монгольского нашествия» [10].

Если вышеизложенные мнения были интересными, но всё же лишь умозрительными конструкциями, то с началом во второй половине XIX в. широких археологических исследований в Прикамье у исследователей исторического прошлого удмуртов появилась возможность вывести исследования на более основательный уровень. В довольно короткий срок А. А. Спицыну удалось представить общую схему расселения удмуртов в начале II тысячелетия н. э.: используя сообщение собирателя удмуртского фольклора Б. Г. Гаврилова о существовании подразделений удмуртов («племя», как выражались в то время) *ватка* и *калмез* [11] и соотнеся его с материалами археологических раскопок, Спицын определил исходный район проживания удмуртов-*ватка*: бассейн Вятки от устья Моломы до устья Чепцы и вдоль течения последней до впадения в нее Косы, «т. е. до границ чудских поселений», располагавшихся, согласно тогдашним представлениям учёных, в среднем течении р. Чепцы. Второе удмуртское «племя» занимало, по его мнению, земли южнее, в бассейне Пижмы (правого притока Вятки). Освоение верхней Вятки русскими, а средней — марийцами, привело к тому, что около XIV в. *ватка* вынуждены были передвинуться на среднюю и верхнюю Чепцу, а *калмезы* освоить бассейн Кильмези и, не ранее XV в., Валы [12]. Из представленной схемы, по признанию её автора, выпадали удмурты Сарапульского уезда, в освещении прошлого которых Спицын затруднялся. В целом, предложенная схема нашла поддержку со стороны И. Н. Смирнова, который внёс в неё лишь незначительные коррективы, касающиеся времени переселения удмуртов с р. Вятки к востоку, отнеся его к XII–XIII вв. Им же было высказано предположение, что часть пижемских удмуртов в это же время ушла на нижнюю Вятку в «Арскую землю» [13].

Несколько иную схему расселения удмуртов в первой половине II тысячелетия н. э. предложил в начале XX в. М. Г. Худяков. Опираясь все на тот же фольклорный сюжет, записанный Б. Г. Гавриловым, в котором говорится о встрече на

Чепце удмуртов-ватка, продвигавшихся вверх по ее течению со старожилами тех мест удмуртами-калмезами, проникшими на Чепцу из бассейна Кильмези, Худяков вопреки этой информации считает возможным утверждать, что изначально районом проживания калмезов была не Кильмезь, а Чепца, откуда они были вытеснены удмуртами-ватка, бежавшими с Вятки от русских колонистов. В свою очередь, покинув Чепцу, калмезы заняли бассейн Кильмези, изгнав оттуда «чудь» и марийцев. Поскольку, в отличие от своих предшественников, М. Г. Худяков был против изначального помещения калмезов на Вятке, то для объяснения появления современной завятской группы удмуртов он выдвинул гипотезу, согласно которой удмуртами-ватка и калмезами не ограничивается число удмуртских «племен», предположив существование еще одного «племенного центра в Арском крае» [14].

Развернувшиеся во второй половине 20-х гг. XX вв. археологические исследования на территории Вотской автономной области, в которых принимал участие ставший впоследствии известным археологом А. П. Смирнов, были сосредоточены главным образом на исследовании памятников Чепцы, относительно которых ещё в последней четверти XIX в. у местного населения было записано несколько преданий, впоследствии опубликованных Н. Г. Первухиным под общим названием «Легенды о богатырях Дондинского круга» [15]. Если до революции большинство исследователей относило чепецкие памятники к так называемой «чудско-булгарской» культуре, в создателях которой видели отличный от удмуртов народ [16], то А. П. Смирнов, вначале осторожно писавший о населении, оставившем памятники «Чепецкой финской культуры», как о «восточных финнах» [17], уже в публикациях конца 30-х гг. считает: «Вся совокупность материалов показывает, что эпоха X–XI века явилась временем перехода к феодализму у удмуртов, у которых на Чепце находился центр их государственного образования» [18]. Подытоживая результаты археологической экспедиции, проводившей исследования под его руководством на юге республики в 1936 г., учёный отмечает: «Полученный материал позволяет сделать следующий вывод: приблизительно до времени XV века нашей эры река Вала являлась малозаселённым участком, но с этого времени район заселяется довольно интенсивно, причём основным населением являлись удмурты» [19].

Хотя впоследствии сам А. П. Смирнов был вынужден снять наиболее спорный тезис о формировании на Чепце самостоятельного удмуртского государства, его предположение, что указанная территория в начале II тысячелетия н. э. являлась районом сосредоточения удмуртского населения, нашло поддержку в работах В. Ф. Генинга, полагавшего, что «основой удмуртского этногенеза явилось население бассейна реки Чепцы». Впрочем, мы должны отметить, что само формирование удмуртского этноса Генингом относилось ко времени XV–XVII вв. Генинг, иными словами, считал, что чепецкое население являлось лишь главным компонентом в числе прочих, принявших участие в этногенезе удмуртов, и в соответствии с этими представлениями для интересующего нас периода (X–XVI вв.) им были определены следующие «своеобразные районы формирования удмуртского населения: 1. Чепецкий, 2. Малмыжско-кильмезский, 3. Елабужско-можгинский, 4. Ижевско-шарканский» [20]. Следует заметить, что эти районы охватывают практически всю территорию современного расселения удмуртов в Вятско-Камском междуречье.

На сегодняшний день большинство исследователей, затрагивающих проблему образования удмуртского народа [21], склонны вслед за В. Ф. Генингом рас-

смаатривать удмуртов как этнос, оформившийся лишь после вхождения Прикамья в состав Русского государства¹. При таком подходе к этногенезу удмуртов в число их потенциальных «предков» попадают практически все исторические популяции, жившие в пределах Вятско-Камского региона в первой половине II тысячелетия н. э.

Но это не означает что во взглядах учёных, в особенности археологов, существует согласие относительно доли участия в процессе формирования удмуртского народа населения, оставившего памятники, объединяемые в ряд археологических культур конца I – начала II тысячелетия н. э. (собственно, чепецкой, кочергинской и чумойтлинской). Наиболее близка к выводам В. Ф. Генинга точка зрения М. Г. Ивановой. Отмечая, что «в начале II тыс. н. э. на обозначенной территории исторической прародины удмуртов (т. е. территории Вятско-Камского края — В. Ч.) единой археологической культуры, подтверждающей факт формирования удмуртской народности, не было», она особое внимание уделяет бассейну Чепцы, полагая, что гипотеза «о значительной роли средневекового чепецкого населения в удмуртском этногенезе при современном состоянии источников представляется состоятельной» [22]. В свою очередь Р. Д. Голдина считает, что приоритет в этногенезе удмуртов следует отдать населению, оставившему памятники кочергинской и, в особенности, чумойтлинской культур, настаивая на позднем проникновении удмуртов на Чепцу [23]. Во взглядах В. Е. Владыкина на ход расселения предков удмуртского народа в начале II тысячелетия н. э. заметно влияние концепции И. Н. Смирнова, с той лишь разницей, что Смирнов не связывал процесс окончательной консолидации удмуртского народа с вхождением Прикамья в состав Русского государства. Это, впрочем, было характерно для всех дореволюционных исследователей по причине отсутствия в науке того времени самой проблемы этногенеза. Наконец, следует упомянуть еще одного исследователя — М. Г. Атаманова, занимающегося проблемой расселения удмуртов в самых широких хронологических рамках. Отсутствие в работах указанного автора принципа историзма позволяет ему относить к территории, на которой проживали «древнеудмуртские племена» в первой половине II тысячелетия н. э., не только междуречье Вятки и Камы, но также Вятско-Ветлужский край, правобережье среднего течения Волги и даже бассейн Северной Двины [24].

Нам представляется, что наряду с не всегда обоснованным стремлением видеть в населении, оставившем памятники той или иной археологической культуры, самостоятельную этническую единицу, основной причиной, по которой во взглядах современных исследователей преобладает точка зрения об относительно позднем сложении удмуртского народа, является сформировавшееся в отечественной науке, впоследствии отторгнутое этнологией, но на долгие годы прочно закрепившееся в практической этнографии и в историко-археологической литературе упрощённое понимание стадильной эволюции этнических общностей (от союза родов к племенам и от союзов племен к народностям), которое позволяло рассматривать народы, имевшие внутриэтнические подразделения безотносительно к их характеру, в качестве «поздно консолидировавшихся». Что касается конкретно удмуртского народа, то наличие ещё в XIX в. элементов родовой организации, которая в результате необоснованных логических построений Н. Г. Первухина [25] и И. Н. Смирнова [26] была объявлена «матриархальной» по своей природе, одно-

¹ Одновременно с этим многие исследователи считают возможным употреблять этноним *удмурт* также и к населению более раннего периода, что не может не создавать определенных трудностей в понимании взглядов некоторых из них на процесс формирования удмуртского этноса.

значно трактовалось в качестве свидетельства глубокой «архаичности» этносоциальной структуры удмуртов. Наиболее ярко это проявилось в одной из ранних работ М. О. Косвена, полагавшего, что в этническом плане удмурты «не доросли» даже до того соединения «которое именуется племенем» [27]. К сожалению, подобные рассуждения, несмотря на их справедливую критику исследователями конца XIX – начала XX вв. [28], получили поддержку в работах М. Г. Худякова и через него были усвоены и развиты сторонниками «воршудной теории» [29], ошибочные представления которых, в свою очередь, оказали существенное влияние на взгляды исследователей, обращавшихся к проблеме этногенеза удмуртского народа после 70-х гг. XX столетия. Учитывая последнее обстоятельство, нам необходимо будет, прежде чем перейти непосредственно к освещению заявленной темы, коснуться вопроса об этносоциальной структуре удмуртов, поскольку именно она будет являться для нас, наряду с немногочисленными свидетельствами исторических документов, основным источником исследования.

Следует констатировать, что часто фигурирующие в работах исследователей «древние племенные» объединения *ватка* и *калмез* в действительности являются **исключительно территориальными общностями** [30]. Причём название первой из них напрямую связано с Вятской землей и её центром, городом Вяткой. Иными словами, удмуртское *ватка* буквально означает ‘вятчанин, житель Вятки’. Учитывая же, что название реки, перенесенное впоследствии на возникший на её берегах город, который, в свою очередь, на правах центра окрестных земель, дал им свое имя, происходит по убедительной версии Л. Н. Макаровой от древнерусского корня *вят-* ‘больше’ < праслав. **vet-* (т. е. Вятка ‘большая река’) [31], то становится очевидным, что само территориальное объединение удмуртов-ватка не могло сложиться ранее появления Вятской земли. Другая территориальная общность удмуртов, *калмез*, получила название в соответствии с основной рекой занимаемого ею региона, Кильмезью (удм. *Калмез*), происхождение названия которой, скорее всего, имеет тюркские корни [32]. Таким образом, название *калмез* в качестве обозначения одной из территориальных групп удмуртов не могло появиться ранее, чем данная река получила своё нынешнее имя.

Традиция приписывания указанным территориальным общностям древнее происхождение основана на неправильной интерпретации М. Г. Худяковым информации мордовского исследователя М. Е. Евсевьева. Евсевьев, говоря о мордовских терминах *ветьке* и *кельмаз*, имел в виду, что они служат мордовскому населению для обозначения соседних с мордвой народов — чуваш (ветьке) и татар (кельмаз) [33]. Худяков же, опираясь на созвучие мордовских и удмуртских терминов, посчитал, что речь идёт именно о названиях удмуртских территориальных объединений *ватка* и *калмез*; но поскольку в исторически обозримом прошлом удмурты не проживали рядом мордвой, он предположил, что приведенные М. Е. Евсевьевым этнонимы могут быть «отголоском той отдаленной эпохи, когда мордва где-либо соседила с вотяками» [34]. В действительности же, кроме поразительного внешнего сходства, между удмуртскими и мордовскими словами нет в историко-этнографическом плане ничего общего.

Родовая организация удмуртов не менее ошибочно трактуется сторонниками «воршудной теории» как тотемическая и одновременно «матриархальная», о чём нам уже неоднократно приходилось писать, так что основные наши аргументы заинтересованный читатель сможет найти в наших прежних публикациях [35]. Здесь отметим лишь, что удмуртская родовая система, как и многие подобные системы, представляет собой совокупность патрилинейных генеалогических родов-

*выжы*², названия которых восходят к именам родоначальников, в чём легко убедиться на примере таких родовых названий, как *Юбера*, *Удэга*, *Бигра* (вариант: *Бигера*), *Поска* (вариант: *Посека*), в составе отчётливо выделяется аффикс *-а*, присоединяющийся к удмуртским антропонимам *Юбер* (напр.: «Юбер Бактамышев»), *Удэг* (ср. «Чупка Удегов сын»), *Бигер* (ср. «Бигер Вася» т. е. «Василий, у отца которого было прозвище *Бигер*») и *Посэг* (ср. «Исупко да Кизечко Посеговы дети»). Этот же аффикс участвует и в образовании названий подавляющего большинства других старинных удмуртских родов-*выжы* [36]. По своей природе он, очевидно, связан с прапермским суффиксом множественного числа **-а*, который использовался в удмуртском языке, по крайней мере, до XVII в. [37], а в коми-пермяцком, в качестве показателя собирательного множественного числа, сохраняется до сих пор [38]. Иначе говоря, такие названия, как *Бигра*, *Пурга*, *Можга* означали соответственно «род Бигера; Бигеровичи», «род Пурега; Пуреговичи», «род Мошега; Мошеговичи» (и т.д. и т.п.). Неслучайно с названиями удмуртских населённых пунктов, образовавшихся от родовых имён, употребляются, в отличие от всех других ойконимов, не внутреннеместные, а внешнеместные падежи с *л*-овой основой [39] (напр. *Биграла* «в деревню Бигра», *Пургалан* «в селе Пурга», *Можгалась* «из села Можги», ср. *Сюмсие* «в село Сюмси», *Сюмсиын* «в селе Сюмси», *Сюмсиысь* «из села Сюмси»): формы типа *Биграла*, *Пургалан*, *Можгалась* изначально имели значение соответственно «по направлению к Бигеровичам», «у Пуреговичей», «от Можеговичей».

В своём классическом труде «Вотяки» И. Н. Смирнов предположил, что реликтом прежней матрилинейности в удмуртском языке является понятие *чыжы* — якобы «род по материнской линии», противопоставленное понятию *выжы* «род по отцовской линии». Основывается это представление на сопоставлении слов *чыжы* «род», префикса *чуж-* (с помощью которого в удмуртском языке образуются названия родственников со стороны матери), и коми слова *чужны* «родиться» [40]. Такое сопоставление является абсолютно произвольным: ни удм. *чыжы* «род» (чаще в сочетании *чыжы-выжы* «род, родственники»), ни коми *чужны* «родиться» этимологически не связаны [41] с компонентом *чуж-*, который вместе с коми *чож* «дядя со стороны матери (брат матери)» восходит к праперм. **čož* «тж» [42], и выражает притом не родство по материнской линии вообще, а конкретно отношение к дяде (брату матери) — удм. *чужмурт* «дядя по матери» < *чуж-* «тж» (самостоятельно это слово в современном удмуртском языке не употребляется) + *мурт* «человек». Впрочем, даже если бы этимологические упражнения Смирнова и имели бы под собой реальную почву, это ещё никак не дало бы оснований говорить о существовании у удмуртов особого понятия «род по материнской линии»: дело в том, что термином *чыжы* в удмуртском языке передаётся то же самое понятие, что и словом *выжы*, то

² Для обозначения генеалогического подразделения, в особенности, образовавшегося сравнительно недавно в результате отделения новой родовой линии (*линиджа*, в терминах западной этнологии) от более старого родового ствола, в удмуртском языке (в зависимости от диалекта) используются различные термины, как то: *бече*, *бöляк*, *выжы*, *иськавын*, *несел-зат*, *род*, *чыжы*. Однако, учитывая, что слово *выжы*, по семантике максимально близкое русскому *род*, может применяться для описания генеалогического подразделения **любого** уровня, мы в дальнейшем будем использовать именно его. Здесь также обратим внимание на неуместность употребления термина *воршуд* в значении «род», что весьма широко распространено в удмуртоведении, поскольку *воршудом* называется дух предка-покровителя членов рода-*выжы*. Иными словами, *воршуд* — это аналог римского гения (*genius*), являвшегося покровителем членов римского рода (*gens*; это понятие полностью совпадает с удм. *выжы*), и словосочетание «воршудная организация» столь же бессмысленно, как и выражение «генийная организация», если бы последнее применялось в отношении родовой структуры римского общества.

есть 'патрилинейный род'. Красочную картину сосуществования у удмуртов элементов счёта родства по материнской линии (якобы исконных) и по отцовской линии (усвоенных якобы от русских) [43] Смирнов нарисовал, опираясь не на реальные этнографические наблюдения, а исключительно на игру слов и звуков. Шаткость построений Смирнова, впрочем, не воспрепятствовала их некритическому усвоению некоторыми современными исследователями [44].

Само по себе существование специальных названий для родственников со стороны матери в пермских языках (наиболее полно они представлены в удмуртском) не может служить аргументом в пользу бывшего «матриархата». Эти названия построены по принципу описания отношения этих родственников к брату матери Эго³, что является вполне логичным, поскольку, как правило, именно он в традиционном обществе со временем становится распорядителем в семье, из которой происходит мать человека, с которым и через которого в последующем Эго предстоит выстраивать отношения с родственниками с материнской стороны. В целом же, учитывая, что в удмуртской системе родства наряду с разграничением отцовской и материнской линий также проводится разграничение прямой и боковых линий, представляется возможным однозначно отнести ее к так называемому *бифуркативно-коллатеральному* (по Р. Лоуи) типу *описательных систем родства*, которые **противостоят классификационным системам родства** в обществах, основу организации которых составляют тотемистические объединения [45]. Качественным различием между описательными и классификационными системами родства является то, что первые отражают индивидуальное родство, позволяющее проследить генеалогическую связь между родственниками (вертикальное родство), в то время как классификационные системы родства устанавливают родство не между индивидами, а между образуемыми ими группами и только через это между входящими в их состав индивидами (горизонтальное родство).

Определившись с характером удмуртской родовой системы, необходимо пояснить читателю как именно мы будем использовать её в качестве основного источника для изучения истории расселения удмуртов в X–XVI вв. Поскольку любой удмуртский род по существу представляет собой генеалогическое образование, то вполне очевидно, что всех его членов в идеале (за исключением случаев адопции) связывает наличие общего предка по мужской линии. Учитывая же закономерности развития человеческой популяции, оказывается возможным, имея представление о размере рода, характере расселения его членов (прежде всего — мужчин), и т. п., установить не только изначальный район, в котором мог появиться на свет родоначальник (и вместе с этим выявить направления миграции его потомков), но и, хотя бы приблизительно, оценить возраст самого родового подразделения. Традиционным способом, без применения достижений этногеномики, это можно попытаться сделать методом картографирования родовых названий [46], причём, поскольку мы имеем дело с патрилинейными родами, необходимо стремиться к учёту только тех названий, появление которых однозначно можно связать с перемещением мужской части рода. К числу таковых можно отнести ойконимы, образовавшиеся от генонимов. В нашем распоряжении имеются материалы переписей

³ Список этих названий с переводом см. в: Чураков В. С. Удмуртские традиционные верования в свете некоторых лексических реконструкций // Электронный научно-практический журнал «ИДНАКАР: методы историко-культурной реконструкции». Ижевск, 2007. № 1. С. 61 <<http://idnakar.ru/2007/1/churakov-udmurtskiye-tradicionnyye.pdf>>; печатная версия: Чураков В. С. Удмуртские традиционные верования в свете некоторых лексических реконструкций // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. Вып. 1: Сб. статей. Ижевск, Изд-во НОУ «КИТ», 2007. С. 61.

XVII – начала XVIII в., а также опись лесов конца 20-х гг. XVIII в. [47], в которых значительное число учтённых удмуртских населённых пунктов, в особенности на территории Арской дороги, в структуре своих названий имеют родовую указатель, что позволило нам составить карты-схемы № 1 и № 3, иллюстрирующие характер расселения соответствующих родов на начало XVIII в. Для составления подобной карты-схемы № 2, вследствие того, что в названиях удмуртских населённых пунктов Каринского стана редко встречаются родовые указатели, нам дополнительно пришлось обратиться к непосредственным свидетельствам, указывающим на проживание в тех или иных поселениях представителей интересующих нас родов, которые были собраны в конце XIX в. П. М. Сорокиным [48], а также членами этнографических экспедиций конца 60-х – начала 70-х гг. XX в. [49]. Однако, учитывая, что большинство этих поселений зафиксированы уже в материалах переписей XVII – начала XVIII вв., то можно, в принципе, считать, что карта-схема № 3 в целом также отражает состояние расселения соответствующих родовых подразделений на начало XVIII в.

Прежде чем перейти к интерпретации полученного картографического материала, следует сказать несколько слов о принципах отбора родов, учтённых на картах-схемах. На карты-схемы наносились родовые подразделения, во-первых, названия которых отмечены в письменных источниках до 1615 г. включительно (дата первой переписи из сохранившихся); во-вторых, родовые подразделения, названия которых чаще всего встречаются в названиях населённых пунктов (как правило, чем больше род, тем древнее его происхождение); и, в-третьих, родовые подразделения, имеющие селения на значительном удалении друг от друга, что также может свидетельствовать о древности рода.

Итак, характер расселения представителей старейших удмуртских родов, отображённый на предлагаемых картах-схемах, показывает, что древнейшие центры расселения членов таких родов, как: Дурга, Дёкъя, Жикъя, Какся, Можга, Омга, Пельга, Пурга, Сёръя, Сюра, Уча, Чабъя, Чола, Шудья, Эгра и Юмья тяготеют к территории нижнего Прикамья, которая примерно соответствует современным северо-западным районам Татарстана, юго-восточным районам Кировской области и юго-западным районам Удмуртии. Это даёт нам право утверждать, что именно здесь в конце I тысячелетия н. э. проходили завершающие стадии этногенеза удмуртов [50].

Южная локализация исторического ядра удмуртов, помимо вышеизложенного, опирается на некоторые соображения контактологического характера. Во-первых, по наиболее обоснованной (если не единственно обоснованной) гипотезе, самоназвание *udmurt* было заимствовано из некоего иранского языка [51], причём семантика предполагаемой праформы **antamarta* ‘житель пограничья, окраины’ предполагает наличие неэпизодического и непосредственного контакта предков удмуртов с ираноязычным населением. Таким населением могли быть исторические *буртасы*: как показывают данные ономастики, правобережье Волги в районе впадения в нее Камы являлось еще на рубеже I–II тысячелетия н. э. периферией расселения буртасов [52], ираноязычность которых весьма вероятна [53]. Во-вторых, удмурты имели особо тесные взаимоотношения с *булгарами*, на что указывает значительное количество болгаризмов в удмуртском, в разы превышающее число болгаризмов в языке коми [54].

Финализация этногенеза удмуртов имела, как представляется, и этнополитические последствия. В письме хазарского кагана Иосифа, относящегося к 960-м гг., в числе названных им народов, живущих «на берегах р. Итиль», упоминается и

народ *ар* [55] (вопреки утвердившемуся мнению, слово *арису* (ᠠᠷᠢᠰᠤ) в тексте письма, учитывая особенности его краткой и пространной редакции, следует рассматривать не как искаженное *эрзя*, но как непроизвольное слияние названий народов *ар* (ᠠᠷ) и *ису* (ᠢᠰᠤ), первое из которых естественно отождествить с существующим в тюркских языках Поволжья этнонимом *ар* 'удмурт', а второе, по всей видимости, служило в то время в качестве обозначения населения верхнего Прикамья [56]). Менее чем через два века о существовании зависимой от Булгарии области (вилайета) *Ару* (ارو) пишет аль-Гарнати, причем он сообщает, что лично общался с выходцами из нее и из области (вилайета) *Ису* (اوسيا) в период своего пребывания в Булгаре зимой 1135/6 г. [57], и отмечает, что выходцы из обеих областей держались в Булгаре в составе одной группы [58]. Это обстоятельство, возможно, свидетельствует в пользу предположения о близости языков, на которых они говорили (см. также выше). Спустя чуть более 200 лет на страницах русских летописей под 1379/80 г. мы встречаем упоминание *Арской земли* в связи с разгромом в её пределах отряда вятчан [59]. Наконец, безусловно, именно по отношению к данной территории опять же в русских летописях под 1469 г. упоминается в качестве составной части Казанского ханства *Вотятская земля* [60], которая в источниках XVI в. именуется *Арской стороной*.

Таким образом, очевидно, что в нижнем Прикамье, вплоть до его вхождения в состав Русского государства, довольно продолжительное время существовало территориальное образование, находившееся на протяжении своей истории в различных отношениях с Булгарией, Золотой Ордой и Казанским ханством, административным центром которого, по крайней мере не позднее XV в., являлся город *Арск*, где находилась резиденция арских князей.

Здесь необходимо отметить, что в южноудмуртском ареале довольно широко распространены исторические предания, в которых *Арск* фигурирует в качестве политического и религиозного центра удмуртов (схожие сюжеты разными авторами и в разное время были записаны у завятской группы удмуртов [61], у удмуртов современных Малмыжского р-на Кировской области [62], Вавожского [63] и Можгинского районов Удмуртии [64]). Примечательно, что герой одной из наиболее популярных (судя по количеству фиксаций) легенды *Мардан*, или, как его еще называют, *Можга-батыр*, до своего переселения на берега р. Валы, жил, согласно одному из вариантов легенды, возле города *Малмыжа* [65].

Новый этап в этнической истории удмуртов начинается со второй половины XV в., когда усилившееся Московское княжество заявило о своих притязаниях на Вятско-Камский край. Около 1462 г. Иван III наделил выходца из улуса Нукус [66] Мангытского юрта *Кара-бека* поместьем недалеко от городов Вятки и Слободского [67]. Центром владений *Карабека* стало село *Каринó*. Однако приглашать людей на свои земли *Кара-беку* предписывалось не с земель великого князя, а «из зарубежья», каковым в тех условиях выступала *Арская сторона* Казанского ханства. Это же требование неоднократно повторялось в грамотах *Василия III* и *Ивана IV*, выданных потомкам *Кара-бека* [68]. Так было положено начало формированию территориальной группы удмуртов *ватка* (т. е. удмуртов, живших в Вятской земле; удмуртов-вятчан), которую составили выходцы с нижней Вятки, принадлежавшие к родам *Дурга*, *Сюра*, *Чабья* и *Чола* (см. карту-схему № 2). Показательно, что именно в *Каринó* впервые отмечаются следы удмуртского рода *Бигра*, основателем которого, очевидно, был человек, носивший прозвище *Бигер*. Вполне возможно, что поводом к появлению этого прозвища (удм. *бигер* 'татарин') могла послужить либо его особая приближенность к каринским князьям, либо, что также

вполне вероятно, отцом этого человека мог быть один из князей. Как известно, удмурты неоднократно жаловались на то, что «татара» удмуртских «девок за себя и за детей своих и за братию и за дворовых людей выдают замуж сильно» [69]. Напомним также имя младшего сына Кара-бека — Покчимурт [70] (удм. *покчимурт* 'мальш'), определённо указывающее, что его матерью была удмуртка. Вообще, следует заметить, что формирование в относительно короткий срок довольно многочисленной группы каринских татар может быть объяснено практиковавшейся ими ксеногамией⁴ [71].

Вместе с удмуртами во второй половине XV в. на Вятку перешла и часть *бесермян* (в источниках *чюваши*). Впрочем, вполне возможно, что небольшие группы удмуртов (купцы, полон и просто мигранты) могли проживать на Вятке и ранее. Во всяком случае, весьма правдоподобно выглядит отождествление неких *сырьян*, живших, как сообщает Епифаний Премудрый (ок. 1396 г.) [72] по соседству с пермью, которую крестил св. Стефан, с удмуртами Сырьянского стана (1557 г.) [73], которые могли принадлежать к роду *Сörjä* с нижней Вятки (см. карту-схему № 2). Удмуртское население верхневятских Сырьянского и Лужановского станов находилось непосредственно на границе с теми коми, значительное число которых в XVI–XVII вв. переселилось в Зюздинский край и Пермь Великую, оказавшись таким образом общей популяционной составляющей юго-западных коми-зырян и коми-пермяков [74]. Очевидно, следами установившихся в тот период ареальных контактов следует объяснять отмеченные многими лингвистами общие лексико-семантические и морфологические явления в соответствующих диалектах коми-зырянского, коми-пермяцкого и удмуртского языков [75].

В начале XVI в. происходит освоение удмуртами Чепецкого бассейна, который до этого около двух столетий, после прекращения функционирования в XIV в. последних поселений Чепецкой археологической культуры (IX–XIV вв.), оставался практически незаселённым. Об этом красноречиво свидетельствуют сохранившиеся материалы переписей XVII столетия [76], в которых отмечается, что часть удмуртских деревень основывается на «дворище» или «городище», т. е. на территории заброшенных поселений. Подробное изучение указанных переписей позволило в своё время П. Н. Луппову отнести расселение удмуртов вверх по Чепце к концу XVI – началу XVII вв. [77]. Наконец, на позднее освоение Чепцы удмуртами указывает и практически полное отсутствие здесь крупных родовых территорий, принадлежащих старейшим удмуртским родам, что, очевидно, следует объяснять утратой к тому времени значимости родовой солидарности — явлению весьма позднем (по-видимому, именно этим следует объяснять и отсутствие, за редким исключением, в составе североудмуртских ойконимов родовых названий, что резко контрастирует с южными и центральными районами проживания удмуртов).

Не противоречат нашему выводу и фольклорные источники. Так, уже упомянутый нами свод «Легенды о богатырях Дондинского круга», опубликованный Н. Г. Первухиным, состоит из трех самостоятельных частей, две из которых (легенда об Идна-батыре, заимствованная у Б. Г. Гаврилова, и легенда о безымянных богатырях, живших на Чепецких городищах) используются в роли своего рода дополнения к рассказу о Донде и его снохе Эбге. Сюжет последнего дает основание усомниться в его народном происхождении. Во всяком случае, сам факт вкрапления в его структуру вышеупомянутых вставок свидетельствует, по крайней мере, что он подвергся правке со стороны Первухина. Этот вывод становится более весо-

⁴ Ксеногамия (чужебрачие) — поощрение пришлым населением браков с местными женщинами, при воспрепятствовании выдаче своих девушек замуж в местные общины.

мым после сравнения текста опубликованной несколькими годами ранее Гавриловым легенды об Идна-батыре с ее обработкой, представленной в своде Первухина, в которой помимо стилистических изменений, направленных на «улучшение слога», присутствует факт намеренного изменения хронологии легенды: так, если у Гаврилова Идна живет во времена, когда чепецкие земли уже принадлежали «Белому царю» [78], то в интерпретации Первухина Идна лишь в старости узнает «что скоро придут русские» [79]. Таким образом, мы видим, что в оригинале легенды об Идна-батыре его деятельность относится ко временам не ранее XVI в. Этому не противоречат и другие предания, записанные в 80-х гг. XIX в. Г. Е. Верещагиным у крестьян Сосновской волости, в которых кроме Идны фигурирует его современник Бехтемир, основатель селения Бехтемир-Пурга, учтённый, кстати сказать, в материалах переписи 1615 г. [80], а также русское население, жившее около устья реки Вотки [81]. Кроме того, с этим согласуется и предание об Эштэреке, записанное в 1911 г. у крестьянина соседней Шарканской волости Д. И. Корепановым [82], в котором упоминаются Идна и зять Бехтемира Ожмег, имевший прозвище Пупшы и ставший родоначальником рода, названного по этому прозвищу *Пупья*.

В колонизации Чепцы, очевидно, приняли участие как удмурты-ватка с бермянами (двигались вверх по течению), так и удмурты, проникшие на верхнюю и среднюю Чепцу из бассейнов Кильмези (удмурты-калмезы) и Ижа. Причем, судя по сохранившимся грамотам, способствовали этому процессу заинтересованные в нём каринские князья — потомки Кара-бека [83], которые в начале XVI в. получили от Ивана III «Чепцу от истоков ее до устья» [84]. Интересная для нас информация содержится в грамоте, датированной январём 1551 г., где сообщается, что «вверху Чепцы реки» живут «вотяки обойнич и погреничи и поннич и ворчинцы неписьменные люди» [85]. В этом списке точно можно идентифицировать представителей удмуртских родов Пурга и Вортча. Как следует из содержания документа, эта немногочисленная группа удмуртов появилась на Чепце во времена правления Василия III Ивановича, из чего можно сделать вывод, что направление миграции вдоль течения реки Иж (см. карту-схему № 3) удмуртами полностью было освоено лишь к XVI в. Добавим также, что в указанном районе фиксируются в переписи 1615 г. селения удмуртов рода Эгра, а в переписи 1678 г. родов Дёкъя («починок вновь рочисной Шаркан», он же Лонлес-Докъя) и Бёдьа («деревня Якшур», она же Якшур-Бодья) (см. карты-схемы № 1 и № 3). Наконец, после того, как в 1582 г. Иван IV пожаловал Багиша — сына арского князя Явуша (последний по какой-то причине перешел в свое время с Вятки в Казанское ханство [86]), Терсинской волостью [87], на её территорию стали переселяться не только каринские татары, бежавшие сюда, как они сами говорили «от скудости» [88], но и часть каринских удмуртов, в частности, принадлежавших к роду Бигра (см. карту-схему № 2).

Представленные здесь выводы являются лишь первой проверкой возможностей применения данных об удмуртской родовой организации в решении вопроса этнической истории удмуртов. Дальнейшие исследования в этом направлении могут привести к уточнению, возможно и пересмотру отдельных выдвинутых нами положений, однако, и в этом мы абсолютно уверены, вывод о том, что удмуртская родовая система, при адекватном к ней отношении, представляет собой тот исторический источник, который способен не только провести нас сквозь тёмные века удмуртской истории, но и, что особенно важно, сообщить нам имена её творцов, вряд ли будет поставлен под сомнение.

Список населенных пунктов, обозначенных на картах-схемах*

Карта-схема № 1 (с. 98)

Докъя (основателя рода могли звать *Докы* или *Докей*): *Нурдок-Докъя* (условно), *Уе-Докъя* (оф. Уё-Докъя, удм. Уё-Докъя), *Себе усадом по речке Сугут Докье* (оф. Яголуд, удм. Сюги-Докъя), *Вала-Докъя* (оф. Четкер, удм. Валодор-Докъя), *Большая Докъя* (оф. Большая Докъя, удм. Бадзым Докъя), *Колошур* (оф. Кайшур, удм. Колошур-Докъя), *Уе-Докъя* (условно), *Икчи-Докъя* (оф. Большое Волково, удм. Итчи-Докъя, Бадзым Кион), *Люквай-Докъя* (условно), *Яган-Докъя* (оф. Яган-Докъя), *Кварса-Докъя по речке Кварсе* (оф. Кварса), *Лонлес-Докъя* (оф. Шаркан, удм. Шаркан), *Яги-Докъя* (оф. Титово, удм. Мыддорин), *На речке Большая Кивар Докъя* (оф. Карсашур).

Жикъя (основателя рода могли звать *Жикы* или *Жикей*): *Буро-Жикъя* (оф. Старая Бурожикъя, удм. Жикъя), *Новая Жикъя* (оф. Новая Жикъя, удм. Карашур), *Вало-Жикъя* (оф. Малая Валожикъя, удм. Тылойыл), *Пазял-Жикъя* (оф. Пазял, удм. Пазал), *Лоллес-Жикъя* (оф. Лонлез-Жикъя, удм. Лоллэз), *Нылги-Жикъя* (оф. Нылга, удм. Нылгы-Жикъя, Жикъя), *Киби-Жикъя* (оф. Киби-Жикъя, удм. Киби-Жикъя), *Пеки-Жикъя* (оф. Пеки-Жикъя, удм. Пеки-Жикъя), *Луджи-Жикъя* (оф. Лудзи-Жикъя, удм. Лудзи-Жикъя), *Уни-Жикъя* (условно), *Вони-Жикъя* (оф. Старые Узи).

Какся (основателя рода могли звать *Какся*): *Валодин-Какся* (карта), *Муки-Какси* (оф. Муки-Какси), *Бежектем-Какси* (оф. Вожектэм, удм. Вожектэм), *Кунжек-Какся* (оф. Кунжек), *Новая Какся* или *Ватка-Какся* (оф. Старые Какси), *Какся по речке Люге* (оф. Люга), *Чюжесь-Какси* (оф. Чежесь-Какси, удм. Чөжесь-Какся), *Ягул-Какси* (оф. Ягул-Какси), *Ныши-Какся* (оф. Большие Сибы, удм. Какся), *Большая Какся* (оф. дорев. Какси-Сибы Большие, оф. Шурил, удм. Шурйыл), *Большая Какся себе усадом* (оф. дорев. Какси-Сибы-Усадом, оф. Замостные Какси), *Какси, живут себе усадом* (условно), *Старая Какся* (оф. Старые Какси, удм. Вуж Какся, Какся), *Яги-Какся* (оф. Яги-Какси, удм. Ягги).

Можга (основателя рода звали *Можег* или *Мошег*): *Косы-Можга* (оф. Косая Можга, удм. Кусо-Можга), *Сюмси-Можга* (оф. Сюмси, удм. Сюмси), *Можга по речке Калмез* (оф. Малые Сюмси, удм. Чашкагурт), *Анлыд-Можга* (оф. дорев. Англеть-Можга, оф. Лыстем, удм. Лыстэм), *Лыстем-Можга* (оф. Лыстэм, удм. Лыстэм), *Вавож-Можга* (оф. Вавож), *Возектал-Можга* (оф. Силкино, удм. Жыжолгурт), *По речке Жуе, слово Можга* (оф. Жуё-Можга, удм. Жүё-Можга), *Можга, Ураскозино тож* (оф. Большая Можга, удм. Бадзым Можга), *Даты-Можга* (оф. Малый Скалгурт), *Себе усадом по речке Чемашур* или *Чюмашур-Чюнчи-Можга* (оф. Тимошур-Чунча), *Чюнчи-Можга* (оф. Старая Чунча), *Постол-Можга* (условно), *Поро-Можга, Коса тож* (оф. Пуро-Можга), *Лошур-Можга* (условно), *Лек Ошмес-Монья, Можга тож* (оф. Старая Монья, удм. Вуж Мönья), *Валодор-Можга* (оф. Валодор-Можга, удм. Валодор-Можга), *Кватчи-Можга* (оф. Кватчи, удм. Куатчи), *Бусурман-Можга* (оф. дорев. Бусорман Можга, оф. Можга,

* Названия населенных пунктов, кроме относящихся к карте-схеме № 2, передаются в соответствии с данными переписей. Помета *условно* означает, что соответствующий населённый пункт не идентифицирован ни с одним из современных, и нанесён на карту-схему с учетом информации переписи о смежных с ним поселениях. Помета *карта* означает, что населённый пункт не идентифицирован ни с одним из современных и нанесен на карту-схему в соответствии с информацией карты, составленной в 1804 г., копия которой, снятая М. В. Гришкиной в Военно-историческом архиве, была доступна автору статьи. При наименовании карт-схем указываются страницы настоящего издания.

удм. Можга).

Пельга (основателя рода звали *Пелег*): *Сарамак-Пельга* (оф. Удмуртский Сарамак), *Малый Селянур-Пельга* (оф. Селянур, удм. Сюлоныр), *Макан-Пельга* (оф. Макан-Пельга, удм. Макан-Пельга), *Кармыш-Пельга* (оф. Старый Кармыш, удм. Вуж Кармыш, Бузара), *Малая Пельга*, *Кармыш Пельга тож* (оф. Малый Кармыш, удм. Чичкашур), *Арваш*, *Малые Пельги тож* или *Воспун-Пельга* (оф. Арвазь-Пельга, удм. Возьпун), *Себе усадом по речке Умяк Пельги* (оф. Умяк-Пельга, удм. Чикурча), *Бемыш-Пельга* (оф. Бемыж), *Кебек-Пельга* (оф. Кебек-Пельга, удм. Ботчур, Куюк), *Новая Пельга* (условно), *Серан-Пельга* (оф. Сырян), *Варзи Учан-Пельга* (оф. Утчан Старый, удм. Вуж Утчан) *По речке Вараде* или *Варади-Пельга* (оф. Варали?), *Варзи-Пельга* (оф. Варзи-Пельга, удм. Варзи-Пельга), *Карамас-Пельга* (оф. Карамас-Пельга, удм. Удяди), *Седошмес-Пельга* (оф. Итешев, удм. Итэшгурт), *Кечев-Пельга* (оф. Кечёво), *Жужгес-Пельга* (оф. Жужгес, удм. Жужгес), *Козе-Пельга* (карта), *Адат-Пельга* (карта), *Себе усадом по речке Пижьян*, *Новая Пельга тож* (условно).

Шудья (основателя рода звали *Шудэй*): *Новая Шудья* (оф. Елкибаево, удм. Актэмыр), *Малая Шудья* (оф. Верхнее Асаново, удм. Асангурт), *Малая Шудья* (оф. Нижнее Асаново, удм. Асангурт), *Калтамак-Шудья* (оф. Мукшур), *Средняя Шудья* (карта), *Верхняя Шудья* (оф. Казаково, удм. Казакгурт), *Лодзи-Шудья* (оф. Лудзи-Шудзи, удм. Гозег, Лудзи-Шудзи), *Пычас-Шудья* (оф. Вытчан-Шудзя), *Пожмес-Шудья* (оф. Петухово, удм. Атасгурт), *Малая Шудья* (оф. Шудья), *Дэри-Чюдья* (оф. Завьялово, удм. Дэригурт), *По речке Важой Чудьи* (оф. Нижний Важой), *Вож Якшур-Шудья* (оф. Якшур, удм. Якшур-Шудза), *Ягул-Шудья*, *Подборное тож* (оф. Ягул, удм. Ягул-Шудза), *Чюмашур* (оф. Чемошур, удм. Чимошур-Шудза), *По речке Кинешур Шудьи* (карта), *Толой-Чюдья* (оф. Люк-Шудья), *Вуки-Чюдья* (оф. Шабердино, удм. Вуко-Чудзи), *Гозек-Шудья* (оф. Старый Гозек), *Зон-Шудья* (оф. Зон), *Икчи-Шудья* (оф. Тылыглуд), *Вожи-Шудья* (оф. дорев. Водзи-Шудзи, оф. Старый Кузлук), *Бодьи-Шудья* (условно), *Корошур-Шудья* (условно), *Ярань-Шудья* (оф. Ярань), *Шудзялуд* (оф. Шудзялуд), *Шудзялуд* (оф. Верхний или Нижний Шудзялуд).

Юмья (основателя рода звали *Юмы* или *Юмей*): *Старая Юмья* (оф. Старая Юмья, удм. Вужгурт, Ёмня), *Ошторма-Юмья* (оф. Ошторма-Юмья, удм. Улынгурт), *Верхняя Юмья* (оф. Верхняя Юмья, удм. Тыло), *Малая Кня-Юмья* (условно), *Нижняя Кумор-Юмья* (оф. Нижний Кумор, удм. Кумор), *Верхняя Кумор-Юмья* (Верхний Кумор, удм. Куморзил), *Средняя Кумор-Юмья* (оф. Средний Кумор, удм. Куйык), *Большая Кня-Юмья* (оф. Старая Кня-Юмья?, удм. Киня), *Большая Кня-Юмья*, *Нырья тож* (оф. Нырья, удм. Ньорья), *Старая Юмья* (оф. Старая Юмья, удм. Вуж Юмья, Ёуння), *Юмья* (оф. Юмга), *Пазял-Юмья* (оф. Пазял-Зюмья), *Булай-Юмья* (оф. Булай), *Шупич-Юмья* (оф. Новая Вамья), *Каравай-Юмья* (оф. Каравай), *Нылги-Юмья* (оф. Гай), *Сентег-Юмья* (оф. Старый Сентег, удм. Вуж Ёумья), *Анлед Юмья*, *Юмга тож* (карта).

Карта-схема № 2 (с. 99)

Бигра (основателя рода звали *Бигер*): *Сизево* (удм. Бигра), *Усть-Лекма* (удм. Люкмывож), *Дизьмино* (удм. Биграгурт), *Пышкет* (удм. Пышкизь), *Байдалино* (удм. Байдалгурт), *Озегвай*, *Бурино* (удм. Буйдангурт), *Ягошур*, *Исаково*, *Баграш-Бигра* (удм. Бигра).

Дурга (основателя рода звали *Дурег*): *Дурга* (удм. Дурга), *Дурга*, *Другинцы* (условно), *Петровка*, *Астрахань* (удм. Астаркан), *Тотош*, *Зотово*.

Сөръя (основателя рода могли звать *Сөри*): *Сырья* (удм. *Сэръя*), *Сырьяны*

Сюра (основателя рода звали *Сюра*): *Верхняя Сюра* (оф. Малая Чура), *Малая Сюра* (оф. Село-Чура), *Бурино* (удм. Сюра), *Березник* (удм. Кионгурт), *Сибирь* (удм. Печкезь), *Нижняя Чура* (удм. Чуравыл), *Гулёково* (удм. Гылёгурт), *Чуралуд*.

Чабъя (основателя рода звали *Чабый* или *Чабей*): *Старая Ципья* (удм. Чабъя), *Новая Ципья*, *Сизнер* (удм. Сизьныр), *Нижний Кузьмес* (удм. Улын Кузьмес), *Старая Чабья* (удм. Чабъя), *Айдуан-Чабья*, *Тузьмо-Чабья*, *Нижняя Чабья*, *Омсино* (удм. Чабъя), *Новый Погост* (удм. Выльгурт), *Сибирь* (удм. Печкезь), *Астрахань* (удм. Астаркан), *Большое Малагово* (удм. Бадзым Малагпи), *Малое Малагово* (удм. Пичи Малагпи), *Лековой* (удм. Көртчагурт), *Каравай*, *Луза*, *Пудем*, *Цыпья*, *Ешмаково*, *Над речкой Дондой* (удм. Выльгурт), *Безум*, *Качкашур* (удм. Качка), *Большой Вениж*, *Сепыч*, *Ягошур*, *Гурдошур*, *Исаково* (удм. Туктым починка), *Бозгон*, *Большой Унте* (удм. Чабъя), *Тугей*, *Ю-Чабья*, *Старый Унте* (удм. Чабъя, Вуж Унте, Сепыч), *Чуралуд*, *Шудзялуд*, *Верхний Шудзялуд* (удм. Выль Шудзялуд), *Тыловой*, *Бадьярово* (удм. Бадяр), *Динтем-Чабья* (карта).

Чола (основателя рода могли звать *Чол* или *Чола*): *Старый Кушкет* (удм. Вуж Кушкет), *Средний Кушкет* (удм. Эаны), *Сола-Кушкет* (удм. Кисаль), *Поркутеш*, *Круглово* (удм. Чола), *Дунай*, *Астрахань* (удм. Астаркан), *Каравай*, *Лековой* (удм. Көртчагурт), *Зилай*, *Тотош*, *Пыбья*, *Бурино* (удм. Буйдангурт), *Дebesы* (удм. Дэбес), *Порвай*, *Исько*, *Шаркан* (удм. Шаркан), *Старый Пашур* (удм. Вуж Пашур), *Вишур-Пурга*, *Бураново*.

Карта-схема № 3 (с. 100)

Бөдья (основателя рода звали *Бөди*): *Малая Бодья по речке Пажман* (оф. Старая Бодья, удм. Вуж Бодья), *Малая Бодья* (оф. Малая Бодья, удм. Бөдья), *Большая Бодья* (дорев. также *Пурга Большая*) (карта), *Ожмос-Бодья* (карта), *Динтем-Бодья* (оф. Динтем-Бодья, удм. Дйнтэм-Бөдья), *Якишур-Бодья* (оф. Якшур-Бодья, удм. Якшур-Бөдья).

Вортча (основателя рода звали *Ворттйсь*): *Большая Ошворца* (оф. Большие Ошворцы, удм. Чошкыт), *Малая Ошворца* (оф. Малые Ошворцы, удм. Ванькагурт), *Лозо-Ворцы* (удм. Ворча), *Няс-Ворца* (оф. Няз-Ворцы, удм. Юбер, Вужгурт, Шахметгурт), *Лонки-Ворца* (оф. Лонки-Ворцы, удм. Мазыги), *Пызеп-Ворца* (оф. Вортча), *Ворца* (оф. Ворца).

Кибья (основателя рода звали *Кибы* или *Кибей*): *На старом селище Кибья* (оф. Кибья), *Кибья другого усаду* (оф. Карашур), *Большая Кибья* (оф. Большая Кибья, удм. Бадзым Кибья), *Кибья 3 усаду* (оф. Оркино, удм. Оркагурт), *Шадрасак-Кибья* (оф. Шадрасак-Кибья, удм. Кибья).

Омга (основателя рода звали *Омиг*): *Дым-Дым Омга* (оф. Дым-Дым Омга, удм. Камдор-Омга), *Казань-Омга* (оф. Казань-Омга, удм. Чуқырча), *Седошмес-Омга* (оф. Виноградово, удм. Съод Ошмес, Пуныгурт), *Омка*, *словет Верхний Шукарак* (оф. Верхний Шугурак), *Детчур-Омга* (условно), *Верхняя Омга* (оф. Старая Омга, удм. Вуж Омга), *Трык-Омга* (оф. Старый Трык?), *Верхняя Омга* (оф. Чумали, удм. Чумолё), *Усо-Омга* (оф. Муважи, удм. Усо), *Варзи-Омга* (оф. Варзи-Омга, удм. Омга), *Верхняя Варзи-Омга* (оф. Варзибаш, удм. Варзийыл), *Средняя Омга* (оф. Средняя Варзи-Омга, объединена с Кузебаево), *Сарсак-Омга* (оф. Сарсак-Омга, удм. Омга).

Пурга (основателя рода звали *Порег*): *Старая Порга* (условно), *Другая Порга* (Малая Пурга?, удм. Пичи Пурга), *Ожмос-Порга* (оф. Ожмос-Пурга), *Яган-Пурги*

(Чутожмон-Пурга), *Бектемир-Порга* (оф. Ляльшур, удм. Ляльшур), *Пурга-Лысо* (оф. Лысово), *Тупал-Пурга* (оф. Тупал-Пурга), *Большая Пурга* (оф. Большая Пурга, удм. Бадзым Пурга).

Уча (основателя рода звали *Утись* или *Утйсь*): *Уча 3 усаду* (условно), *Старая Уча* (оф. Старая Уча, удм. Вуж Уча), *Верхняя Уряс-Уча* (оф. Урясьбаш), *Уча другого усаду* (условно), *Малая Уча*, *Каинсар Уча тож* (оф. Старый Каенсар, удм. Вуж Каньсар), *Нижняя Уряс-Уча* (оф. Нижняя Русь, удм. Орес), *Новая Уча* (оф. Новая Уча, удм. Вильгурт), *Адам-Учи* (оф. Нижние Адам-Учи), *Уча первого усаду (Сызнерь)* (оф. Сизнер, удм. Сизьныр), *Себе усадом Лумно-Уча* (карта), *Деревня по речке Сунде-Уча* (оф. Сундо-Уча, удм. Сунды), *Нижняя Сундо-Уча* (условно), *Малая Сюго-Уча* (условно), *Чемошур-Уча* (оф. Чемошур-Уча, удм. Куакагурт), *Большая-Уча* (оф. Большая Уча, удм. Бадзым Уча), *Кулвай-Уча* (оф. Кельвай-Уча, удм. Бегыш), *Бобья-Уча или Едо-Уча* (оф. Бобья-Уча, удм. Эдэйгурт), *Малая Уча* (оф. Малая Уча, удм. Шупшади), *Поже-Уча* (оф. Ильинское, удм. Уча), *Малая Уча, а Юга-Уча тож* (условно).

Эгра (основателя рода могли звать *Эгыр*): *Старая Игра* (оф. Старая Игра, удм. Вужгурт, Вуж Эгра), *Новая Игра* (оф. Мишкино, удм. Вильгурт-Эгра), *Аксак-Игра* (оф. Аксакшур), *Алганча-Игра* (оф. Алганча-Игра, удм. Эгра), *Малая Игра Порва* (оф. Порва), *Большая Игра* (оф. Игра, удм. Эгра), *Малая Игра (условно) Игринская* (оф. Большая или Малая Игра).

Примечания

1. Послание царя казанского // Гасырлар авазы – Эхо веков. Казань, 1997. № 1–2. С. 32. Здесь опубликовано письмо казанского царя Сафа-Гирея к польскому королю Сигизмунду I, относящееся ко времени между апрелем 1538 г. и августом 1545 г., в котором Сафа-Гирей сообщает о зависимости от него Нукратской земли, т.е. Вятки.
2. Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков / Сост. П. Н. Луппов Ижевск, 1958. С. 179–329.
3. РГАДА, ф. 350, оп. 1, ед. хр. 371.
4. РГАДА, ф. 350, оп. 1, ед. хр. 142.
5. Семёнов Ю. И. Секреты Клио. Сжатое введение в философию истории. М., 1996. С. 33.
6. Strahlenberg Ph.-J. Das Nord und Östliche Theil von Europa und Asia... Stockholm, 1730. S. 76.
7. Миллер Г. Ф. История Сибири. Том I. М.–Л., 1937. С. 25.
8. Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 176.
9. Вештомов А. И. История вятчан... с 1181 по 1781 г... // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Т. XXIV. Вып. 1–2. Казань, 1908. С. 3–5.
10. Второв Н. И. Памятники древности в Казанской губернии // Журнал Министерства Внутренних дел. 1840. № 8. С. 214–215.
11. Гаврилов Б. Г. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань, 1880. С. 148–150.
12. Спицын А. А. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // Материалы по археологии восточных губерний России. Вып. 1. М., 1893. С. 96–97.
13. Смирнов И. Н. Вотяки // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Т. VIII. Вып. 2. Казань, 1890. С. 13–21.
14. Худяков М. Г. Вотские родовые деления // Известия Общества археологии, истории и

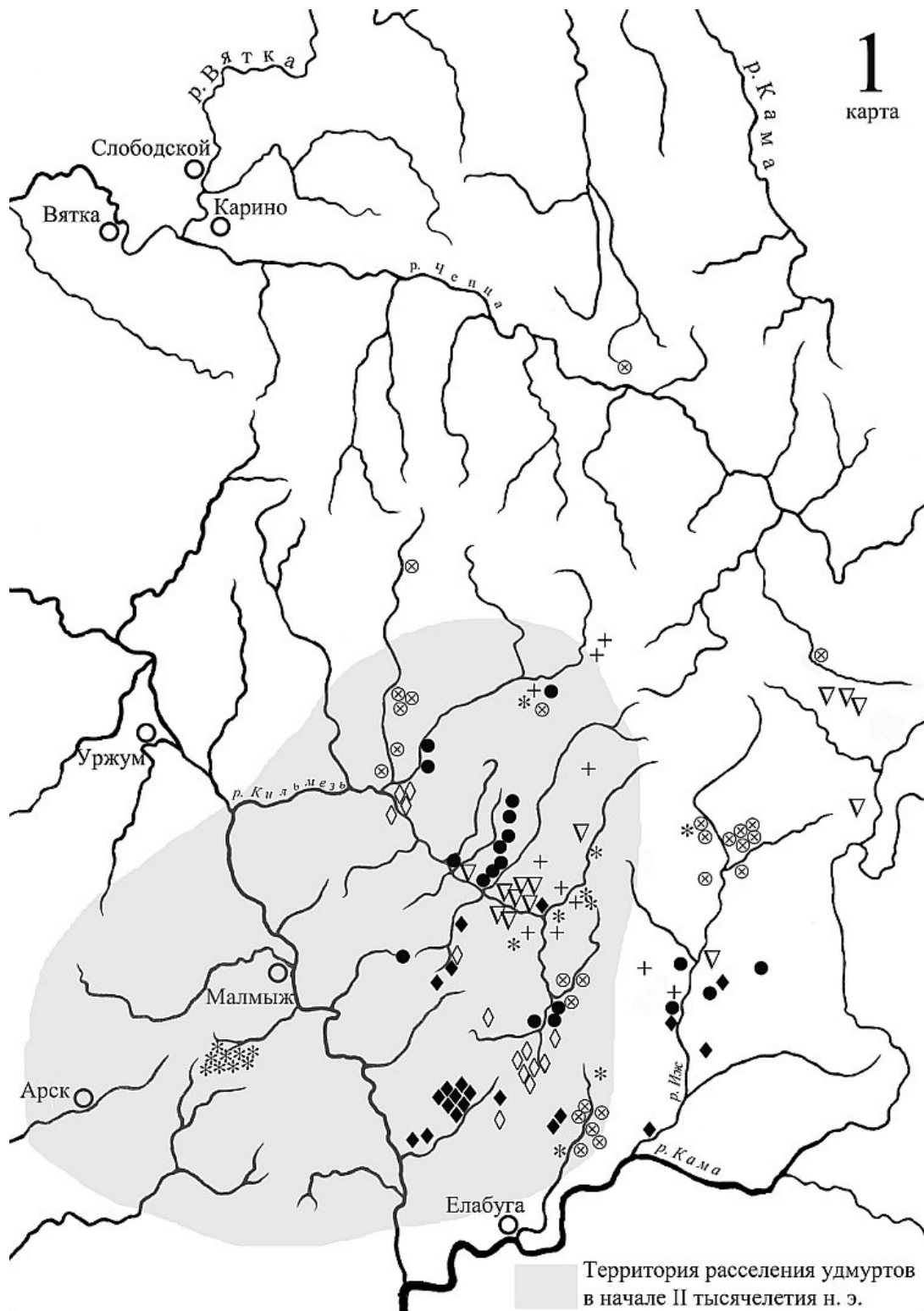
- этнографии. Т. XXX. Вып. 3. Казань, 1920. С. 347.
15. Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз IV. Следы языческой древности в образцах устной народной поэзии вотяков. Вятка, 1889. С. 8–12.
16. Спицын А. А. К истории вятских инородцев // Календарь Вятской губернии на 1889 г. Вятка, 1888. С. 212; Смирнов И. Н. Вотяки // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Т. VIII. Вып. 2. Казань, 1890. С. 28–30.
17. Смирнов А. П. Смирнов А. П. Финские феодальные города // На удмуртские темы. Сборник статей. Вып. 2. М., 1931. С. 70–71.
18. Смирнов А. П. Производство и общественный строй у народов Прикамья в I тысячелетии нашей эры (по данным археологии) // Записки УдНИИ. Вып. 8. Ижевск, 1938. С. 245.
19. Там же, с. 191.
20. Генинг В. Ф. Этногенез удмуртов по данным археологии // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. IV. Ижевск, 1967.
21. Владыкин В. Е. К вопросу об этнических группах удмуртов // Советская этнография. 1970. № 3. С. 46; Его же. Мон. О себе и других, о народах и Человеках, и... Ижевск, 2003. С. 18; Голдина Р. Д. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, 1987. С. 32; Иванова М. Г. Основные этапы этнической истории северных удмуртов // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1989. С. 16; Шутова Н. И. Формирование этнографических групп удмуртов // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1989. С. 89.
22. Иванова М. Г. Удмурты в начале II тысячелетия н. э. // Материалы по истории Удмуртии. Ижевск, 1995. С. 49; Её же. Основные этапы этнической истории северных удмуртов // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1989. С. 16.
23. Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа, Ижевск, 2004. С. 296–298, 321–328, 365–366.
24. Атаманов М. Г. По следам удмуртских воршудов. Ижевск, 2001. С. 164, 168–171, 173, 187–188 и др.
25. Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз I. Древняя религия вотяков по ее следам в современных преданиях. Вятка, 1888. С. 37.
26. Смирнов И. Н. Вотяки // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Т. VIII. Вып. 2. Казань, 1890. С. 128–144.
27. Косвен М. О. Распад родового строя у удмуртов // На удмуртские темы. М., 1931. С. 34.
28. См. напр.: Сорокин П. М. О материнстве как основе рода, о родовых названиях и знаках собственности у вотяков. Вятка, 1895. // ГАКО, ф. 170, оп. 1, ед. хр. 127, л. 2–6; Setälä E. N. I. N. Smirnow's undersuchungen über die ostfinnen // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1900. Vol. XVII. S. 17–27; Holmberg H. Permalaiisten uskonto. Porvoo, 1914. S. 58–59; Маркелов М. Т. Системы родства угро-финских народностей // Этнография. 1928. № 1. С. 46, 50.
29. Чураков В. С. К критике воршудной теории // Финно-угроведение. Йошкар-Ола, 2003. № 2. С. 3–18; интернет-версия: <<http://www.udmurt.info/library/churakov/vorkrit.htm>>
30. Чураков В. С. О времени образования, характере и названиях удмуртских объединений ватка и калмез (историографическая справка) // Историко-культурные аспекты развития полиэтничных регионов России. Саранск, 2006. С. 253–258; интернет-версия: <<http://www.ethnonet.ru/lib/2703-06.html>>
31. Макарова Л. Н. Древнее наименование города Кирова (Вятка – Хлынов) // Вятская земля в прошлом и настоящем. Т. II. Киров, 1992. С. 7.
32. Напольских В. В. Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта. Ижевск, 2001. С. 132.
33. В мордовском словаре Х. Паасонена для обозначения татар в качестве «тайных слов»

- указаны: мокшанское *kel'maj*, *kel'maz* и эрзянское *käl'mas*. См.: Н. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. Bearbeitet und herausgegeben von Martti Kahla. Bd. 1-5 / Lexica Societatis Fenno-Ugricae, 23:1–5. Helsinki, 1990–1996. S. 694.
34. Худяков М. Г. Вотские роды деления // Известия общества археологии, истории и этнографии. Т. XXXI. Вып. 1. Казань, 1920. С. 15.
35. Чураков В. С. К критике воршудной теории // Финно-угроведение. Йошкар-Ола, 2003. № 2. С. 3–18; интернет-версия: <<http://www.udmurt.info/library/churakov/rodov.htm>>; Его же. Происхождение названий удмуртских родов // Linguistica Uralica. Tallinn. Т. XLI. 2005. № С. 43–57; интернет-версия: <<http://www.udmurt.info/library/churakov/rodov.htm>>; Коробейников А. В., Чураков В. С. О реликтах тотемизма у удмуртов // Демидовские чтения на Урале. Тезисы докладов. Екатеринбург, 2006. С. 357–358; интернет-версия: <<http://www.udmurt.info/library/korobeynikov/reltotem.htm>>.
36. Чураков В. С. Происхождение названий удмуртских родов..., с. 43–57.
37. Там же, с. 51.
38. Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М., 1963. С. 89.
39. Об истории этих падежей в пермских языках см.: Серебренников Б. А. Историческая морфология... С. 47–53, 76.
40. Смирнов И. Н. Вотяки // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Т. VIII. Вып. 2. Казань, 1890. С. 135.
41. Лыткин В. И., Гуляев Е. И. Краткий этимологический словарь коми-языка. М., 1970. С. 312.
42. Лыткин В. И., Гуляев Е. И. Краткий этимологический словарь..., с. 308.
43. Смирнов И. Н. Вотяки // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Т. VIII. Вып. 2. Казань, 1890. С. 136.
44. Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994. С. 73, 258.
45. Крюков М. В. Система родства китайцев (эволюция и закономерности). М., 1972. С. 48–66; Семенов Ю. И. [рец.] Крюков М. В. Система родства китайцев (эволюция и закономерности) // Советская этнография. 1973. № 2. С. 165–169.
46. Картографированием родовых названий до нас занимались С. К. Бушуев и М. Г. Атаманов. Оба автора рассматривают удмуртскую родовую организацию как матриархальную, что уже само по себе снижает достоверность их выводов; в особенности это касается Атаманова, склонного к полному игнорированию принципа историзма как при подходе к изучению удмуртской родовой системы, так и при исследовании этнической истории удмуртов вообще.
47. РГАДА, ф. 16, оп. 1, ед. хр. 65, ч. 1.
48. Государственный архив Кировской области, ф. 170, оп. 1, ед. хр. 126. Интересующие нас сведения из данной работы опубликованы при участии автора настоящей работы: Пётр Матвеевич Сорокин. О расселении удмуртских родов // Электронный научно-практический журнал «ИДНАКАР: методы историко-культурной реконструкции». Ижевск, 2007. № 1. С. 76–100 <<http://idnakar.ru/2007/1/sorokin-o-rasselenii.pdf>>; печатная версия: Пётр Матвеевич Сорокин. О расселении удмуртских родов // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. Вып. 1: Сб. статей. Ижевск, Изд-во НОУ «КИТ», 2007. С. 76–100.
49. Архив Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН. РФ, оп. 2-Н, ед. хр. 431, 432, 433, 440, 442, 444, 445, 446, 447.
50. Чураков В.С. К исследованию этнической истории удмуртов // Цивилизации народов Поволжья и Приуралья. Т. I. Проблемы археологии и этнографии. Чебоксары, 2006. С. 275–286; интернет-версия: <<http://ethnonet.ru/lib/0505-06.html>>

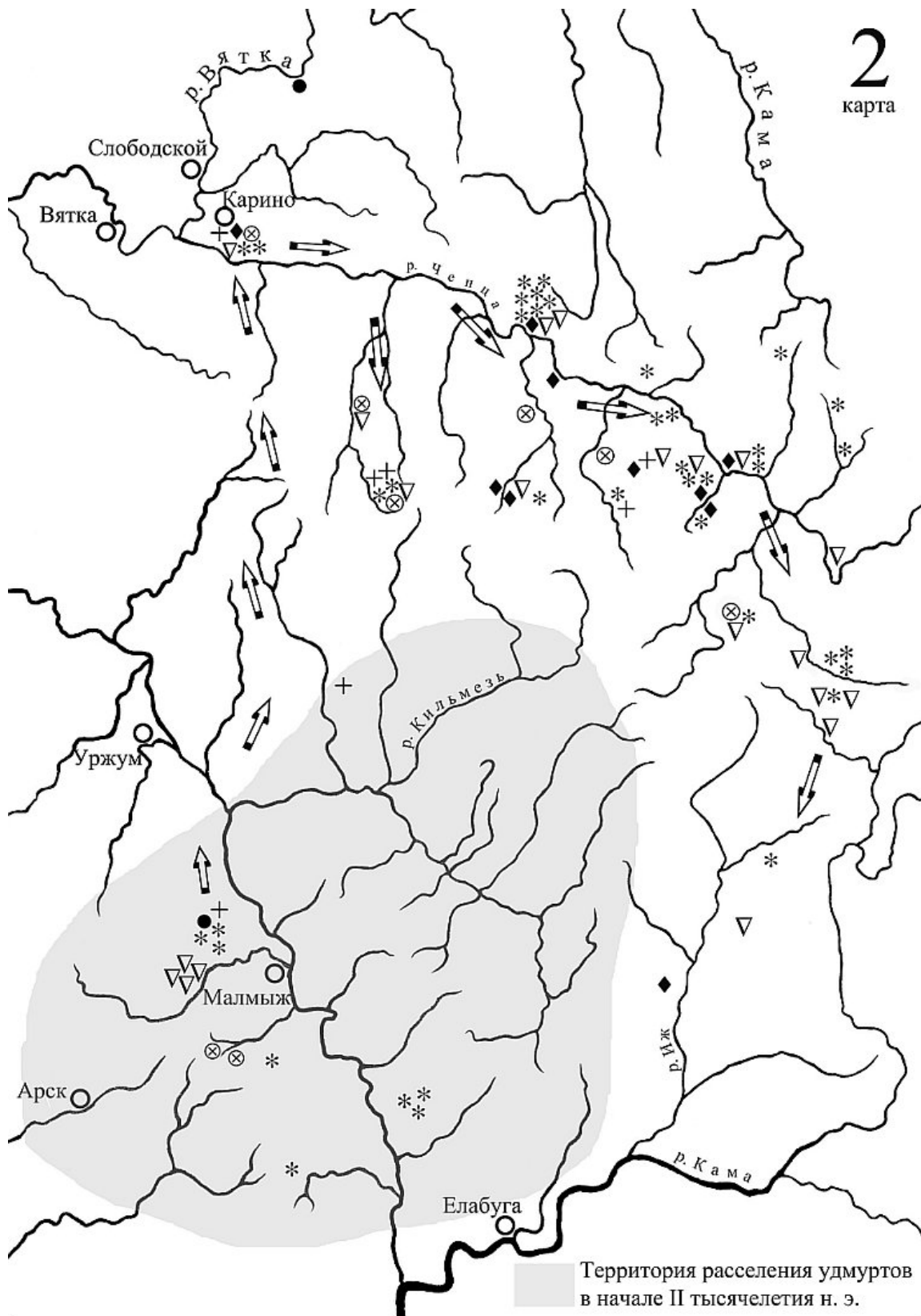
- 51 Бельх С. К., Напольских В. В. Этноним удмурт: исчерпаны ли альтернативы? // *Linguistica Uralica*. Tallinn, 1994. Т. XXX. № 4. С. 284–285; интернет-версия: <<http://www.udmurtology.narod.ru/library/belykh/udmetn.htm>>
- 52 Афонасьев Г. Е. Этническая территория буртасов во второй половине VIII – начале X в. // *Советская этнография*. 1984. № 4. С. 40–41.
- 53 Никонов В. А. Введение в топонимику. М., 1965. С. 41.
54. Wichmann Y. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen // *Mémoires de la Société Fenno-Ougrienne*. Т. XXI. Helsingfors, 1903.
55. Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 98–99.
56. Чураков В. С. Южные удмурты в X – середине XVI века (проблемы социально-политической истории): Автореф. дис...канд. ист. наук. Ижевск, 2001. С. 12.
57. Abu Hamid el-Granadino y su relacion de la viaje por tierras eurasiaticos / С. Dubler. Madrid, 1953. С. 13, 20; Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). М., 1971. С. 31; Чураков В. С. Возвращаясь к известиям Абу-Хамида ал-Гарнати о народах Севера // *Проблемы экономической и социально-политической истории Удмуртии*. Ижевск, 2001. С. 4–10.
58. Abu Hamid el-Granadino..., с. 13, 20; Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати..., с. 34–35; Чураков В. С. Возвращаясь к известиям Абу-Хамида ал-Гарнати о народах Севера // *Проблемы экономической и социально-политической истории Удмуртии*. Ижевск, 2001. С. 4–10.
59. Присёлков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М., 1950. С. 419; Чураков В. С. Происхождение и состав летописного рассказа о походе вятчан на Арскую землю // *Тезисы докладов 5-й Российской университетско-академической научно-практической конференции*. Часть 2. Ижевск, 2001. С. 80–81.
60. Полное собрание русских летописей. Т. XXV (Московский летописный свод конца XV в.). М.–Л., 1949. С. 282.
61. Худяков М. Г. Вотские родовые деления // *Известия Общества археологии, истории и этнографии*. Т. XXX. Вып. 3. Казань, 1920. С. 346; Ильина А. А. Полевая тетрадь этнографической экспедиции. 1973 г. // *Архив Удмуртского института истории языка и литературы УрО РАН*. РФ, оп. 2-Н, д. № 444, л. 47; Шкляев Г. К. Полевая тетрадь этнографической экспедиции. 1973 г. // *Архив Удмуртского института истории языка и литературы УрО РАН*. РФ, оп. 2-Н, д. № 447, л. 23, 24; Кельмаков В. К. Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах. Ижевск, 1992. С. 116–117, 145–146.
62. Материалы об удмуртах 20 в. // *Архив Удмуртского института истории языка и литературы УрО РАН*. РФ, оп. 2-Н, д. № 11. В деле представлены ответы на анкету П. Н. Лупшова, датированные 1925 г. См. лл. 45, 47 об.
63. Герд К. И. Дёкъя выжы удмуртъёс // *Ватка но Калмез. Удмурт калык легендаос но приданиос*. Ижевск, 1971. С. 101.
64. Гаврилов Б. Г. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань, 1880. С. 144–147. Анализ сюжета, записанного Гавриловым, позволяет полагать, что им была допущена неточность при его публикации. Очевидно, вместо слов «из-за города Вятки», следовало написать «из-за реки Вятки». Таким образом, под «царством (эксэй улос)» удмуртов следует понимать Арскую провинцию Казанского ханства.
65. Ватка но Калмез. Удмурт калык легендаос но приданиос. Ижевск, 1971. С.127.
66. Эхмэтжанов М. И. Татар шәжәрәләре.. Казан, 1995. С. 12; Продолжение древней российской вифлиофики. Т. X. СПб., 1795. С. 258–259.
67. Чураков В. С. Об обстоятельствах появления каринских арских князей на Вятке // *Урал-Алтай: через века в будущее*. Уфа, 2005. С. 216–219; интернет-версия: <<http://www.udmurt.info/library/churakov/obstoyat.htm>>; Его же. Историко-генеалогический аспект ар-

- ской-проблемы // Историко-культурные аспекты развития полиэтнических регионов России. Саранск, 2006. С. 97–107.
68. См. об этом: Чураков В. С. Влияние политики великих князей московских в отношении каринских арских князей на формирование этнической территории удмуртов // Электронный научно-практический журнал «ИДНАКАР: методы историко-культурной реконструкции». Ижевск, 2007. № 2. С. 74–78 <<http://idnakar.ru/2007/2/churakov-vliyanie-politiki-velikikh.pdf>>
69. Документы по истории Удмуртии... С. 193-195.
70. ГАКО, ф. 583, оп. 4, д. № 344, л. 86.
71. Денисова Р. Я. Популяционно-антропологический аспект этногенеза // Советская этнография. 1987. № 6. С. 46.
72. Повесть о Стефане, епископе Пермском // Сокровища древнерусской литературы. М., 1982. С. 166.
73. Документы по истории Удмуртии..., с. 353-354.
74. Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982. С. 42, 98–99.
75. Максимов С. А. Севернoudмуртско-коми ареальные лексико-семантические параллели: Автореф. дисс... канд. филол. наук. Ижевск, 1999.
76. Документы по истории Удмуртии..., с. 179-338.
77. Лупшов П. Н. Северные удмурты в XVI – XVII вв. (Очерк из истории колонизации бассейна р. Чепцы) // На удмуртские темы. Сборник статей. Вып. 2. М., 1931. С. 143.
78. Гаврилов Б. Г. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань, 1880. С. 153.
79. Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз IV. Следы языческой древности в образцах устной народной поэзии вотяков. Вятка, 1889. С. 10.
80. Документы по истории Удмуртии..., с. 189. Здесь в числе половников деревни Малой Порги он обозначен как Биктер Дзюлин с сыном Лислешком (sic; правильно — *Пислешком*). Однако сравнение с именами жителей д. Бехтемировой, учтенных в материалах переписи 1648 г. (с. 223–224), показывает, что Биктер является искаженной формой имени Бехтемир.
81. Верещагин Г. Е. Собрание сочинений. Т. I. Ижевск, 1995. С. 107–110.
82. Корепанов Д. Эштерек // Кылбурет удысын. 1934. № 9–10.
83. Гришкина М. В. Служилое землевладение арских князей в Удмуртии XVI – первой половины XVIII веков // Проблемы аграрной истории Удмуртии. Ижевск, 1988. С. 35-37.
84. Әхмәтжанов М. И. Татар шәжәрәләре..., с. 12.
85. Гришкина М. В. Служилое землевладение арских князей..., с. 39.
86. Чураков В. С. Об обстоятельствах появления каринских арских князей на Вятке // Урал-Алтай: через века в будущее. Уфа, 2005. С. 216–219; интернет-версия: <<http://www.udmurt.info/library/churakov/obstoyat.htm>>. Его же. Историко-генеалогический аспект арской-проблемы // Историко-культурные аспекты развития полиэтнических регионов России. Саранск, 2006. С. 97-107.
87. Гришкина М. В. Служилое землевладение арских князей..., с. 30.
88. ГАКО, ф. 170, оп. 1, ед. хр. 33, л. 4.

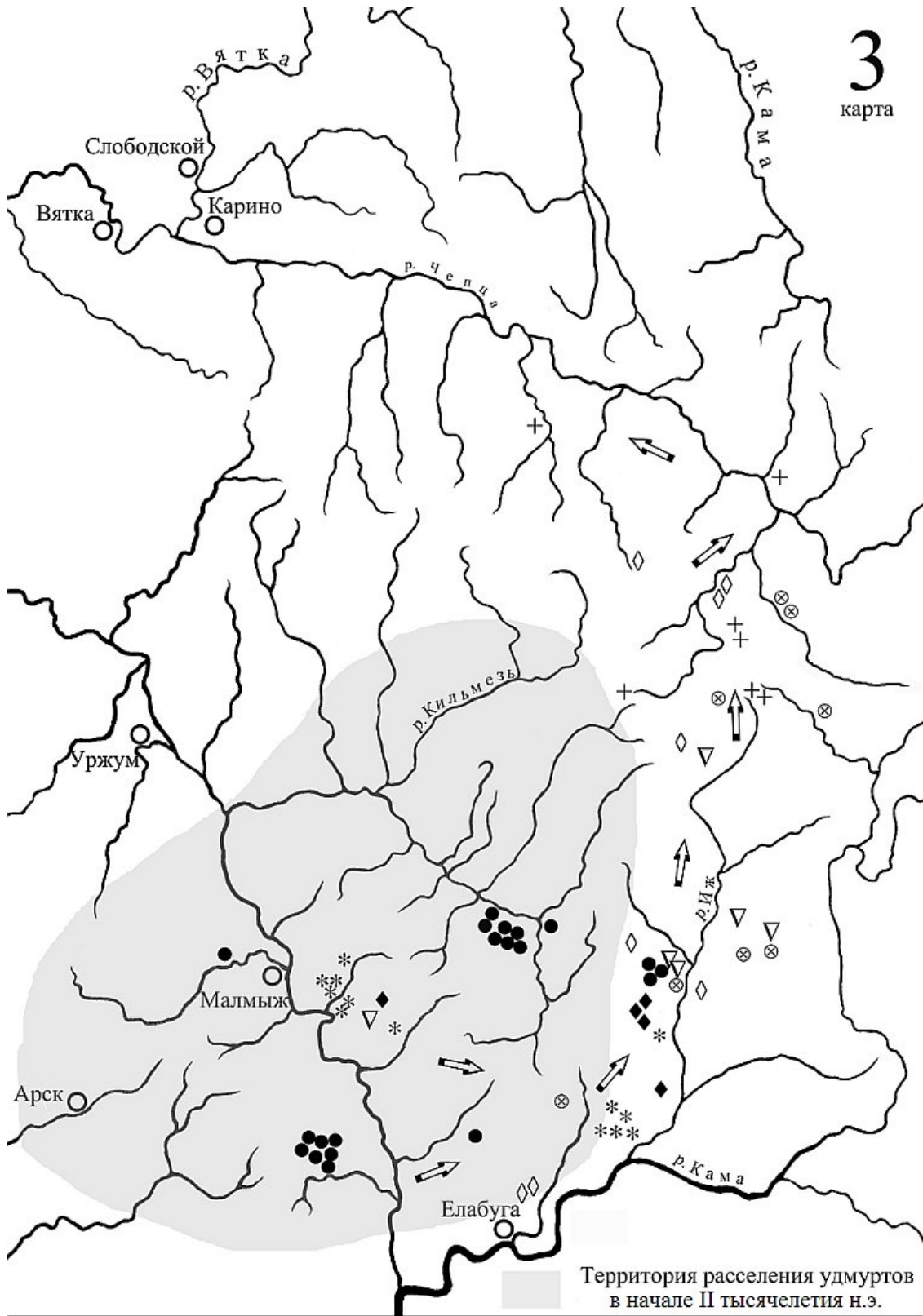
Карты-схемы:

▽ - Дөкъя	● - Можга	* - Юмъя
+ - Жикъя	◆ - Пельга	
◇ - Какся	⊗ - Шудъя	

◆ - Бигра	⊗ - Сюра	⇒ - Основное направление миграции
+ - Дурга	* - Чабья	
● - Сөръя	▽ - Чола	

▽ - Бөдья	* - Омга	◇ - Эгра
+ - Воргча	⊗ - Пурга	⇒ - Основное направление миграции
◆ - Кибья	● - Уча	